

МАРИНА САВИНЫХ

МЫ ВОСПАРИЛИ НАД БЕЗДНОЙ...

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Веронике Шелленберг

У монастыря стояла лошадь,
Свежий снег рассеянно жевала.
Снег спадал на призрачную площадь,
Как спускаемое покрывало.
Раньше это было или после?
В память загляну — из сердца выну:
Будто рядом с нею бурый ослик
Выступал из мглы наполовину...

Ослик с шоколадными глазами —
Со старинной выцветшей картины,
Где под золотыми небесами —
Яшмовые ветки Палестины...
Где в хлеву — случайный кров ночлега...
Где младенца нюхает овечка...
В вышине, не ведающей снега,
Белая звезда стоит, как свечка...

Я к воротам шла приотворённым:
Ко Христу — от пагубы и срама.

САВИНЫХ Марина Олеговна родилась в 1956 году. Окончила Красноярский педагогический институт. Печатается с 1973 года. Является автором семи книг стихотворений и прозы. С 2007 года — главный редактор журнала “День и ночь”.

Пёс лохматый иноком смиренным
Молча проводил меня до храма.
И легли мне под ноги ступени,
Высоки, торжественны и твёрды,
И глядели вслед из снежной пены
Чудные светящиеся морды,
Словно мне отныне предстояло
И за них нести труды обета,
Ежели всем тварям воссияла
Вифлеемская планета...

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Мы воспарим над бездной. Мы прочтём
Минувшего нечитаную книгу.
Мы пыль веков от хартий отряхнём —
И письма разломим, как ковригу, —
Ведь это хлеб надежды... разверни
Невеждами оплёванные свитки...
Ты — голытьба — обобранный до нитки —
Прочти, как свиток, собственные дни...
И вспомнишь всё: парижских улиц ад
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далёкий аромат
И Кёльна дымные громады...

* * *

Назло распространившимся заразам,
Грозящим человечеству чумой,
Меня не отпускает Высший Разум,
И собственный, не выдуманный — мой.

Он вечно бдит. В любое время суток.
Сон будоража. В грёзах мельтеша.
То как неугомонный мой рассудок.
То как моя бессмертная душа,

Которая, поддавшись перегреву,
Нет-нет да зверем скинется во мгле:
Поскачет красной белкою по дереву,
Помчится серым волком по земле,

Или орлом — по выпретенному полю,
Чтобы, познав свободы сладкий бред,
Вернуть себе желанную неволю,
Как выстраданный суверенитет.

НЕСТОР

Не я, Господи, а Ты мне говоришь.
Полям-пахотой лежат тебе листы.
Я один. Дымя, лампада тлеет лишь,
И усталость сводит слабые персты.

Поле-пахотой лежит Тебе вчера:
Путь Апостола к холмам Твоим святым...
Дым полынный половецкого костра.
Птичьим пеплом по звенящей степи — дым...

Дым во рту моём, во лбу моём, в глазу...
Дым в доме моём... о, русская земля!
Князь над костью тихо выронит слезу.
Из костей беззвучно выникнет змея.

* * *

Как пережить мне то, что Вы — другой?
Не рыцарь... не герой плаща и шпаги...
Что подвиг Ваш — и сердцем, и рукой —
Лишь отпечаток мысли на бумаге...

Как быть — что не со мною Вы “на ты”,
Что Ваши письма коротки и строги,
Что Ваше поле — вне моей дороги,
А в Вашем небе нет моей звезды?

Как превозмочь, что тягою земной
Не к Вам тянусь, когда по Вас тоскую,
Что любите Вы женщину другую
И перед Богом — с ней, а не со мной?!

* * *

Раздала я свой хлеб, проворонила дом,
Друга милого выгнала прочь,
Вот и льётся сквозь душу мучительным льдом
Голубая апрельская ночь!

На коленки бы мне — да под тот образок,
Что у бабушки в красном углу,
И во сне, что, как смертная мука, высок,
Догореть на холодном полу...

Научи меня, Дева, терпеть и молчать,
Не искать за собою вины:
Наложи на уста золотую печать
Первозданной Твоей глубины.

* * *

Прощаться так — унынием греша —
На мир невиноватый кликать лихо...
Меня утешит лишь твоя душа,
К моей душе склонившаяся тихо...

О, что я знаю о твоей душе:
Такую негу и такую муку,
Что ни значку печатному, ни звуку
Их тяжести не выдержать уже!